

Упущенный шанс: англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. и советско-германский пакт от 23 августа 1939 г.

М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский*

30 сентября 1938 г. А. Гитлер, Б. Муссолини, Н. Чемберлен и Э. Даладьё достигли соглашения, которым написали правительству Чехословакии в десятидневный срок передать Германии около одной пятой своих территорий. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, укрепления на границе с Германией, новая линия которой теперь фактически упиралась в предместье Праги.

В обмен Германия подписала с Великобританией и Францией декларации, явившиеся, по сути, пактами о ненападении. Чемберлен, спустившись с трапа самолета, говорил, что привез с собой из Мюнхена мир. Но это было самообманом. Мюнхен лишь распалил аппетиты Гитлера. Теперь ему казалось, что весь мир может оказаться у его ног. Чемберлен, сам того не осознавая, привез с собой дыхание войны¹.

Важно подчеркнуть, что, во-первых, требования к Чехословакии совместно продиктовали Германия и Великобритания — явный агрессор, с одной стороны, и один из гарантов европейского мира, с другой. Франция (которая по договору была обязана защищать Чехословакию) и Италия последовали за своими партнерами. Чемберлен дважды совещался в сентябре 1938 г. с Гитлером. Последний жаловался британскому премьеру на судьбу якобы притесняемых судетских немцев². Но, по сути дела, эти немцы являлись открытой «пятой колонной» в Чехословакии. Их никто не притеснял. Напротив, они занимали привилегированное положение. В результате произошло отторжение территории

у суверенного государства, грубейшее нарушение международного права.

Во-вторых, фактическими соучастниками мюнхенского стовора и раздела Чехословакии явились Польша и Венгрия. Польша оккупировала Тешинскую область, Венгрия — Закарпатскую Украину. Было, однако, понятно, что Германия просто использует соседние с Чехословакией государства ради достижения своих целей. Известно высказывание германской военной атташе в СССР генерала Э. Кёстринга в беседе с литовским военным атташе, относящееся к тому периоду: «Польша является клячей, которую Германия впрягла в свою упряжь на время... Если Польша рассчитывает на помощь Германии в ее войне с СССР, то во всяком случае германские войска, вступив в „коридор“ и в Силезию, оттуда никогда не уйдут»³. СССР вновь оказался в изоляции. Попытки поддержать Чехословакию успеха не имели.

Посол США в Испании К. Бауэрс так писал в то время о происшедших событиях: «Мюнхенский мир за одну ночь свел Францию до положения второсортной державы, лишив ее тщательно культивировавшихся друзей и всеобщего уважения, а Англии нанес такой сокрушительный удар, какой она не получала в течение последних 200 лет. Полтора века назад за такой мир Чемберлена засадили бы в Тауэр, а Даладьё казнили бы на гильотине»⁴.

Газета «Манчестер Гардиан» писала в феврале 1939 г. по поводу определения политики «умиротворения» и мюнхенском соглашении: «мудрый план продать своих друзей для того, чтобы откупиться от своих врагов»⁵.

* **Михаил Юрьевич Мягков** — доктор исторических наук, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН.

Олег Александрович Ржешевский — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

То, что для Великобритании и Франции означало якобы умиротворение Германии, для Москвы — нарастание военной угрозы. Бывшие союзники России в Первой мировой войне открыто проигнорировали интересы СССР. Доверие к Лондону и Парижу в Москве было подорвано. Правительства Великобритании и Франции открыто заявляли в то время, что они не желают иметь с СССР ничего общего. Британский и французский послы были отозваны из Москвы. Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне писал в декабре 1938 г. «германская политика отныне ориентируется на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю к экспансии на восток»⁶.

Что же теперь о лидерах западных демократий могли думать в Москве? Как было оценить сложившуюся ситуацию? Мысль о необходимости не допустить оккупацию немецкими войсками стран и территорий, прилегающих к существующим советским границам, не дать вермахту создать выгодный плацдарм для удара по жизненно важным центрам СССР на тот момент стала господствующей среди политического руководства в Кремле. В ноябре 1938 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. Потемкин в беседе с послом Франции в Москве заметил: «Мой бедный друг, что вы наделали? Что касается нас, то я не вижу другого выхода кроме четвертого раздела Польши»⁷.

Расчеты западных стран на то, чтобы гарантировать себе безопасность путем «заклания» Чехословакии не оправдались. 15 марта 1939 г. войска вермахта вступили в Прагу. Политика умиротворения рушилась как карточный дом.

21 марта 1939 г. Германия предложила Польше, союзнице по мюнхенской сделке, в обмен на тот же посул о гарантиях ее границ, вернуть город и порт Данциг, до Версаля бывший германской территорией. 31 марта Великобритания, а затем Франция, объявили о своих собственных гарантиях Польше.

11 апреля Гитлер, используя отказ Польши выполнить германские требования, утвердил план «ВАЙС» — план войны с Польшей — и установил срок готовности к войне — **1 сентября 1939 г.** Именно эта дата и обозначила начало одной из самых кровопролитных трагедий XX в. — Второй мировой войны⁸.

В то же время росла опасность вступления германских войск в страны Прибалтики. По крайней мере, в Кремле полагали, что события развиваются именно в этом направлении. 17 мая 1939 г. советский военный атташе в Латвии полковник Васильев докладывал в Москву, что «подготовка германской агрессии» в эту республику идет уже полным ходом.

Он, в частности, отмечал, что «...В Риге... Меже-парк и другие предместья являются постоянным местом сбора гитлеровской молодежи... Хождение по улицам Риги „мальчиков“ в белых чулках и гитлеровские приветствия являются обычным явлением. Мало того, сам министр иностранных дел на второй день Пасхи разгуливал в белых чулках... Идет усилен-

ная пропаганда идей фашизма и прямой агрессии...» Однако многие простые люди в Латвии, по мнению атташе, придерживались просоветских позиций:

«...Общее мнение трудящихся — это скорей бы пришла Красная Армия. Интеллигенция рассуждает так: „Лучше Советская власть, чем немцы...“ Во всяком случае, Латвия стоит накануне больших событий...»⁹.

В быстро меняющейся и все более опасной обстановке лета 1939 г. СССР вынужден был искать оптимальные решения для обеспечения своей собственной безопасности и идти на договоренности с теми странами, которые готовы были на деле гарантировать отсутствие угрозы агрессии с сопредельных с ним территорий.

В свою очередь, каждая из противостоявших в Европе группировок пыталась найти контакт с Москвой. На новогоднем приеме 1939 г. в Берлине Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А. Меркалову. В марте этого же года, впервые за всю историю, на приеме в советском посольстве в Лондоне появился премьер-министр Чемберлен. Французы не отставали. Премьер Э. Даладьё провел несколько встреч с советским послом Я. Сурицем. Весной 1939 г. начались англо-франко-советские дипломатические переговоры, и стороны выдвинули на них свои предложения о заключении договоров о взаимопомощи¹⁰.

В Кремле правильно полагали, что главной угрозой европейской безопасности является Германия. Так было раньше, такое же мнение оставалось и летом 1939 г. Именно Гитлер заявлял неоднократно, что путь к расширению жизненного пространства Третьего рейха лежит на востоке. В Москве это хорошо помнили и не теряли надежды заключить действенный союз с западными демократиями, чтобы остановить расширение агрессии фашизма. Беда была только в том, что надежд на это — в связи с политикой умиротворения Германии, проводимой Лондоном и Парижем, — становилось все меньше. Поэтому на первый план постепенно, но неуклонно выходили собственные национально-государственные интересы СССР.

СССР вел активные переговоры с Великобританией и Францией, а затем также и с Германией. Переговоры с Германией летом 1939 г. вела и Великобритания. Так, в июне 1939 г. сотрудник министерства иностранных дел Германии Тротт фон Зольц встречался с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом и министром иностранных дел Э. Галифаксом и обсуждал с ними вопросы мирного урегулирования проблем между двумя странами¹¹.

Наиболее трезво мыслящие западные политики понимали, что никакая система безопасности не станет действенной, если к ней не будет привлечен Советский Союз. Без СССР казалась бесперспективной любая оборона против агрессии Германии. Черчилль говорил в то время в Палате общин: «Я никак

не могу понять — каковы возражения против заключения соглашения с Россией... Предложения, выдвинутые русским правительством, несомненно, имеют в виду тройственный союз между Англией, Францией и Россией... Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии... Что плохого в этом простом предложении?»¹².

Это решение действительно было простым и разумным. Но Даладье и Чемберлен, в руках у которых была реальная власть, по-прежнему надеялись договориться с Гитлером!

В западной литературе присутствует мнение, что одним из главных препятствий для Великобритании пойти на действенное соглашение с СССР был польский антагонизм к Москве. Действительно, этот фактор имел место и сыграл самую отрицательную роль в деле достижения действенного антинацистского союза летом 1939 г.

Известно, что Н. Чемберлен особенно упирал на нежелание Польши допустить СССР в любую форму альянса, отвергая советские предложения о нем в течение марта–апреля 1939 г. Он доказывал, что гарантии, данные Польше британским правительством, эффективно связывают руки Лондону в его политике по отношению к Москве. Однако, «предположение о том, что польская оппозиция к СССР диктовала Лондону решения относительно англо-советского альянса, — замечает исследователь Луис Шоу, — явно не обосновано». Напротив, есть свидетельства противоположного плана, что «Чемберлен использовал гарантии Польше в качестве удобной маскировки своей собственной оппозиции англо-советского альянса. Существенно заметить, например, что с того момента, когда было принято решение войти в контакт с другими правительствами с целью принятия коллективных действий, Чемберлен отдавал предпочтение соглашению с Польшей и ясно выразил свое отвращение к вовлечению в соглашение Советского Союза». Отрицательное отношение поляков, равно как и румын, к включению Москвы в союзную систему было в дальнейшем отставлено в сторону из-за опасений сближения СССР с Германией¹³. Тем не менее, Чемберлен сам признавался, что придерживается «самого глубокого недоверия к России», и его подозрения никогда не ослабевали¹⁴.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов боязнь западных держав «коммунистической экспансии», но речь шла о выборе пути в условиях агрессивной политики Германии, замыслов Гитлера, который желал поработить не только Европу, но и мыслил о мировом господстве. Поразительной с позиции сегодняшнего дня выглядит позиция Чемберлена в 1939 г., который считал, например, что германская агрессия остановится, когда все немцы окажутся под крышей единого рейха. Более того, он говорил королю Георгу VI, что «видит в Германии и Англии два столпа европейского мира и бастион против коммунизма»¹⁵. Конечно,

можно говорить, что Чемберлен опасался провокации со стороны Сталина, но и сам он сделал немало, чтобы осложнить советско-британские отношения, пытаясь столкнуть Германию с СССР.

История сыграла с лидерами Франции и Великобритании злую шутку. В декабре 1940 г., когда Великобритания, после разгрома Франции и других своих европейских союзников, вела войну фактически одна на один с Германией и Италией, британский военный атташе в Москве полковник Грир в сердцах признался советским офицерам: «...Нас к этому положению привела старая политика Чемберлена. Было бы лучше, если бы все решали солдаты и офицеры». И далее, уже совсем недипломатично: «Старых политиков надо поставить в один ряд и расстрелять...»¹⁶.

Но пока шел 1939 г. Сложность и неоднозначность положения Москвы диктовали ей необходимость поиска путей предотвращения угрозы своим границам.

Решающее значение в сложившейся обстановке августа 1939 г. имели переговоры военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве. 12 августа военные делегации Великобритании и Франции прибыли в советскую столицу на Ленинградский вокзал.

Руководители делегаций адмирал Р. Дракс и генерал Ж. Думенк в Москву не спешили. Они плыли на пароходе, затем ехали на поезде. Собирались и добирались целых 2 недели. Посол Германии в Великобритании Г. Дирксен сообщал в Берлин: «Военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеготовность Советской армии, чем заключить оперативное соглашение»¹⁷. У адмирала Дракса не было с собой даже полномочий для ведения переговоров.

Что же советская сторона? Имеются все основания полагать, что она относилась к переговорам со всей серьезностью. В конце 1990-х гг. был рассекречен интересный документ «Инструкция Ворошилову» — главе советской делегации на этих переговорах. Она записана маршалом 7 августа, вероятно, под диктовку И. Сталина. Приведем некоторые выдержки: «Переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом, о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию... Заявить, что без свободного пропуска советских войск через указанные территории, оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал...»¹⁸.

Советская делегация получила полномочия вести переговоры и подписать военную конвенцию при условии обеспечения взаимной безопасности.

А какие инструкции имели англо-французские союзники? Как свидетельствуют британские документы, перед Р. Драксом была поставлена деликатная и неблагоприятная задача — тянуть время. В инструкции для британской делегации, врученной Драксу в Лондоне, указывалось, что «британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы нам связать руки при любых обстоятельствах»¹⁹. Британская

дипломатия рассматривала переговоры как средство давления на Германию. «Начать их сейчас, — писал в Лондон английский посол Сидс, — значит дать хороший пинок странам „Оси“»²⁰. Дракс однозначно понимал свою задачу, но относительно способов ее решения у него возникли большие сомнения. Обсуждению данного вопроса было посвящено заседание комитета имперской обороны, состоявшееся 2 августа 1939 г., т. е. за три дня до отъезда британской и французской делегаций в СССР. В нем участвовали Э. Галифакс, министр по координации обороны адмирал А. Четфилд, военный министр Л. Хор-Белиша, адмирал Дракс и др.

Разъяснения, полученные Драксом на заседании, подтверждают, что британская сторона была более чем далека от намерений достигнуть соглашения с СССР. О заключении военной конвенции речи вообще не велось. Драксу рекомендовали обсуждать военные планы «на чисто гипотетической основе». Усилия британской дипломатии прежде всего сосредоточивались на том, чтобы найти способы затянуть переговоры на неопределенный срок и как-то «выкрутиться» при ответах на вопросы советской стороны.

В недвусмысленных выражениях Галифакс определил то, что могло бы быть использовано против достижения согласованного решения на переговорах, — «с твердостью отвергать» любое предложение об участии Великобритании и Франции в согласовании с Польшей и Румынией необходимых мер по защите от германской агрессии, что и было исполнено Драксом, хотя и в несколько изменившейся обстановке.

Инструкции начальника генерального штаба национальной обороны Франции генерала М. Гамелена французской миссии, отбывавшей на переговоры в Москву, были «расплывчаты» и носили весьма «общий характер»²¹. Эта точка зрения, изложенная в книге Л. Ноэля, французского посла в Варшаве в период московских переговоров.

Характерна также следующая приводимая в книге оценка курса западных держав участником московских переговоров капитаном (впоследствии генералом) А. Бофром: «Проблема заключалась не в том, чтобы добиться у поляков ответа, согласны они или нет на пропуск советских войск через свою территорию, а в том, чтобы найти лазейку, которая позволила бы продолжать переговоры...» Есть, однако, и другие сведения, согласно которым инструкции Думенку, данные Даладьё, были категоричны и однозначны: «Привезите мне соглашение любой ценой».

Москва, Спиридоньевка, 17. В белом мраморном зале особняка, расположенного по этому адресу²², в августе 1939 г. проходили военные переговоры СССР, Великобритании, Франции, от исхода которых зависело многое. Они явились продолжением политических переговоров между тремя государствами, начавшихся еще весной. В годы войны британский премьер-министр У. Черчилль скажет в этом зале, что «именно Красная Армия нанесла смертельный удар

нацистам», что ее пример «вселил надежду на спасение человечества и раскрыл источник вдохновения солдат, готовых отдать жизнь во имя своей Родины»²³. Но то уже будут другие времена.

Начальник Генерального штаба РККА Б. Шапошников представил на переговорах обстоятельный план совместных военных действий трех держав в случае германской агрессии. СССР заявил о готовности выставить 136 дивизий для совместной обороны. Британская и французская делегации приехали в этом смысле в Москву с пустыми руками²⁴.

Между тем, для СССР на переговорах с Германией приобретала реальные очертания возможность заключения Пакта о ненападении, ограничивавшего продвижение вермахта на восток.

17 августа германский посол в Москве Ф. Шуленбург сообщил Советскому правительству, что Германия готова заключить с СССР договор о ненападении сроком на 25 лет, предоставить совместно с СССР гарантии прибалтийским странам и использовать свое влияние для улучшения отношений СССР с Японией²⁵. В Москве делали выводы. Германия была готова договориться с СССР! Тем самым появлялась реальная возможность отвести непосредственную угрозу от советских границ. К тому времени советская разведка получила сведения о плане и сроках нападения Германии на Польшу, и правительство было поставлено об этом в известность.

Для людей, хорошо разбиравшихся в военно-стратегических вопросах, было совершенно ясно, что Советский Союз не мог и не имел права допустить, чтобы германские войска, наступая на Польшу, беспрепятственно вышли к советским границам. Член французской делегации Бофр отмечал в то время: «Трудно быть более конкретным и более ясным... контраст между этой программой и смутными абстракциями англо-французской платформы паразитической... Наша позиция оставалась фальшивой»²⁶.

После того, как советская делегация 13 августа поставила вопрос о пропуске частей Красной Армии через территорию Польши и Румынии, британский посол в Москве У. Сидс сообщил в Лондон: «Русские подняли основной вопрос, от решения которого зависит успех или неудача военных переговоров»²⁷. Отметим, что изначально имелось в виду, что переговоры с Польшей, Румынией и Литвой по вопросу пропуска советских войск возьмут на себя Великобритания и Франция²⁸. Между тем в Москве Дракс продолжал тянуть время, излагая прописные истины вроде тех, что надо «отрезать неприятелю все пути сообщения», «найти и разбить флот противника» и т. п.

Польское правительство категорически отказывалось от сотрудничества с СССР. Французский посол в Москве того времени Э. Наджияр настаивал на необходимости оказать на Польшу соответствующее давление. Давление было поручено оказать французскому военному атташе в Варшаве генералу Ф. Мюссе и французскому послу Д. Ноэлю. Их переговоры

с начальником Главного штаба польской армии генералом В. Стахевичем и министром иностранных дел Ю. Беком не принесли результатов. 18 августа в Париже получили сообщение — отказ. На следующий день Ф. Мюссе после трехчасовых переговоров со Стахевичем отправил в Париж телеграмму следующего содержания: «В конце концов, с согласия Бека была принята формулировка: «Наша делегация в Москве может маневрировать», как будто полякам не ставился этот вопрос»²⁹. Поскольку Ноэль вел переговоры с Беком, а Мюссе со Стахевичем, то подоплеку этой телеграммы поясняет телеграмма Ноэля от 19 августа, в которой тот после очередного отказа Бека на пропуск советских войск сказал ему: «Может быть, лучше, чтобы Вы мне не отвечали. Согласимся с тем, что вопрос перед Вами не был поставлен»³⁰.

Но обманывали в Лондоне, Париже и Варшаве не только СССР, но и самих себя. Первой менее чем через две недели поплатилась за это Польша.

20 августа министр иностранных дел Польши Ю. Бек телеграфировал послу во Франции Ю. Лукасевичу: «Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такой договор заключать не намеревается». В тот же день глава французской миссии генерал Ж. Думенк сообщил из Москвы в Париж: «Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию»³¹. Ноэль в свою очередь сообщил, что в позиции Польши изменений не произошло и Бек настаивает, чтобы в конвенции Польша вообще не упоминалась. Далее Ноэль констатировал, что «позиция Польши не заключать с СССР никаких политических и военных соглашений — это «болезнь» польской политики», что укрепление связей с Францией и Великобританией, кредиты и прочее не были использованы для того, чтобы получить согласие Польши на сотрудничество с СССР.

Уже после провала англо-франко-советских переговоров, 23 августа, узнав о прибытии И. Риббентропа в Москву, Бек дал согласие, чтобы Думенк сделал в Москве следующее неопределенное заявление: «Мы пришли к мнению о том, что в случае совместных действий против германских армий сотрудничество между Польшей и СССР, технические условия которого надлежит установить, не исключено. Французский и британский генеральные штабы считают, что отныне следует немедленно изучить все возможности такого сотрудничества». Заявление было некорректным, так как Думенк и Дракс знали, что руководящие круги Польши выступают против сотрудничества с СССР. В телеграмме, направленной из Варшавы в Париж 23 августа, Ноэль подчеркнул, что «Бек отказался идти дальше»³².

Известно, руководство Польши весьма опасалось присутствия Красной Армии на территории их страны, что рассматривалось как шаг к утрате суверенитета. Но какой выбор был тогда у Польши? Либо вступать в англо-франко-советскую коалицию, либо искать компромисса с Гитлером. Иначе Польша

оставалась один на один с немецкой агрессией, что, в конечном итоге, и произошло. Факт, что польские руководители тех лет во многом виновны в срыве возможного альянса между СССР, Великобританией и Францией, который мог бы стать препятствием на пути гитлеровской агрессии в 1939 г.

Вернемся к переговорам. 22 августа Думенк сообщил Ворошилову, что получил полномочия подписать конвенцию, но Лондон хранил молчание. О согласии на это британского, польского и румынского правительств Думенку известно не было. Тем самым подписание конвенции было сорвано. Отсутствовал ответ и на кардинальный вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши в случае нападения на нее Германией³³.

Имелись ли у Москвы возможности использовать позицию Франции в интересах достижения положительного результата переговоров? Известно, что британское правительство согласилось на них в значительной мере под нажимом Франции. В ходе переговоров Франция время от времени стремилась занять более конструктивную позицию, была готова подписать военную конвенцию «в последний час», в отличие от правительства Польши, которое задним числом сообщило в Лондон нечто вроде косвенного согласия на сотрудничество, имевшее для страны жизненно важное значение. Поступившие в распоряжение историков архивы не дают исчерпывающего ответа на поставленный вопрос. Вместе с тем они указывают, что Франция находилась под сильнейшим давлением Великобритании, которая разрешала ей маневрировать лишь в пределах своей политики, направленной на затягивание переговоров.

Подводя итоги переговоров, Наджияр писал 25 августа в Париж: «Действительно, как можно было надеяться получить обязательства СССР против Германии... если поляки и румыны продолжали игнорировать русскую помощь»³⁴. Однако тормозом были не только Польша и Румыния. Определяла ход переговоров позиция Великобритании и в меньшей мере Франции, правительство которой, не считаясь с национальными интересами стран, находило возможным прикрываться «твердостью» Лондона в оправдание собственной бесхребетной политики.

Срыв переговоров в Москве означал, что последняя возможность общими усилиями остановить готовившееся нападение вермахта на Польшу и уже необратимое расширение масштабов Второй мировой войны была утрачена. Одной из не использованных советской делегацией инициатив могло быть, на наш взгляд, приглашение в Москву полномочного представителя правительства Польши для участия в решении вопроса о пропуске советских войск через ее территорию в случае нападения Германии. Сообщение советского руководства на этот счет может в какой-то степени объяснить беседа Молотова и Ворошилова с Сидсом и Драксом, состоявшаяся перед отъездом британской военной делегации из Москвы.

В ней, в частности, согласно записи Сидса, Ворошилов сказал: «В течение всего периода переговоров польская пресса и общественность заявляли, что они не хотят помощи от Советов; что же, мы должны были завоевывать Польшу, чтобы затем предлагать нашу помощь, или нам надо было на коленях умолять, чтобы она ее приняла?»³⁵

Уроки московских переговоров имеют непреходящее значение. Они показывают, что соглашения такого рода возможны только при стремлении сторон к договоренности и готовности к взаимным компромиссам. У Великобритании и, несмотря на определенные колебания, у Франции деловой подход к переговорам отсутствовал. Отдельные заявления британских политических деятелей, в том числе и на заседаниях кабинета министров, о стремлении заключить «хотя бы какое-то соглашение» с СССР не реализовывались.

На следующий день после провала переговоров с Великобританией и Францией советское правительство подписало договор о ненападении с Германией и секретный протокол к договору, которые теперь чаще называют пактом Молотова–Риббентропа по именам руководителей внешнеполитических ведомств СССР и Германии того времени.

В европейской и мировой истории произошел резкий поворот, повлекший за собой изменение в стратегии ведущих держав. Стоит отметить главное: Москва никогда не упускала из виду главное — желания и декларации Германии вести свою экспансию на восток, высказанных в предыдущие годы высшими руководителями рейха. В этой связи изначальным приоритетом для СССР был союз с западными демократиями, который давал реальный шанс предотвратить агрессию и создать общий фронт против нацизма с Великобританией и Францией. Известный британский историк Дж. Робертс отмечает, что Москва продолжала связывать свою политику с подобным альянсом как минимум до конца июля 1939 г.³⁶

На наш взгляд, подобная политика продолжала оставаться приоритетной и в начале англо-франко-советских переговоров военных миссий в августе 1939 г. Однако Сталин изменил свое мнение ввиду нежелания Лондона и Парижа идти на реальное соглашение. В этой связи стоит заметить, что в цепи причин рокового разрыва переговоров военных миссий присутствовало и нежелание британского премьер-министра учитывать информацию от своих военных — британских начальников штабов. Те, признавая известную слабость советских вооруженных сил, подчеркивали, тем не менее, военную и стратегическую необходимость вовлечения СССР в любую форму коллективного отпора германской агрессии. Однако есть сведения, что Чемберлен неоднократно игнорировал оценки опытных военачальников, руководствуясь заранее заданными формулировками, касавшимися Советского Союза³⁷.

Существует немало суждений и версий о значении пакта Молотова–Риббентропа. Чем же он на самом деле являлся — преступлением сталинского режима, ошибкой Москвы или единственно возможным в то время решением, которое отвечало национальным интересам страны?

Министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп в указанный ему срок 23 августа прибыл в Москву, и в ночь на 24 августа договор между двумя странами был подписан. Он на какое-то время обеспечивал СССР гарантией от войны с Германией и ее реальными и потенциальными союзниками. Германия избавлялась от угрозы войны на два фронта при нападении на Польшу и рассчитывала на нейтралитет Великобритании и Франции. Но в последнем просчиталась.

В случае войны СССР, согласно секретному протоколу, получал свободу действий в Финляндии, Эстонии, Латвии, восточной Польше (в Западной Белоруссии и на Западной Украине) и Бессарабии. Что это означало на практике? Как показали ближайшие события, СССР намеревался заключить с большинством из этих стран договоры о взаимопомощи с введением на их территорию ограниченных контингентов войск и защиты их границ как своих собственных.

Иными словами, это был раздел сфер влияния между СССР и Германией — явление, широко практикуемое в международных отношениях того времени. 25 августа 1939 г. было подписано соглашение между Великобританией и Польшей, которое также затрагивало интересы других государств и фиксировало сферы влияния Великобритании и Польши, хотя этот термин конкретно и не употреблялся³⁸. Сделки такого рода неоднозначны. Каждая из сторон извлекает из них как выгоды, так и потери. С позиции сегодняшних знаний можно утверждать, что это было нежелательное, но единственно возможное решение для СССР в той конкретной международной обстановке. Договор, и это главное, позволил СССР выиграть около двух лет для укрепления обороны страны. Кроме того, он вызвал сильные противоречия между Германией и Японией, как раз в тот период, когда советские войска вели бои против японцев на р. Халхин-Гол³⁹. Все это уже в годы Великой Отечественной войны способствовало тому, что СССР избежал губительной для себя войны на два фронта.

И, наконец, еще одно важное обстоятельство — это определенное отрезвление правительств западных демократий, которые после 23 августа осознали, что СССР не позволит сделать из себя «мальчика для битья». У него есть свои интересы, с которыми следует считаться. И хотя Париж, Лондон и Вашингтон были еще враждебно настроены к Москве, тем не менее, вскоре после вторжения германских войск в Польшу и начала Второй мировой войны — уже осенью 1939 г. — начались англо-советские и американо-советские дипломатические переговоры, которые в конечном итоге привели к формированию антигитлеровской коалиции.

- ¹ Мировые войны XX века. В 4-х кн. Науч. рук. проф. О. Ржешевский. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. Отв. ред. М. Мягков, сост. Ю. Никифоров. М., 2002. С. 20–21, С. 24–28, 31.
- ² Там же С. 22–23.
- ³ Цит. по: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979. С. 216.
- ⁴ US. Library of Congress. Manuscript Division. Dodd's Papers. Box 56.
- ⁵ Manchester guardian. Feb. 25, 1939.
- ⁶ Цит. по: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. С. 211.
- ⁷ Цит. по: Throne С. The Approach of War, 1938–1939. N.Y., 1967. P. 136.
- ⁸ См. Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 40–41, 60–61; Год кризиса. 1938–1939. Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы в 2 тт. М., 1990. Т. 2. С. 376–378.
- ⁹ Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д.1236. Л. 123–128.
- ¹⁰ Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Под ред. О. Ржешевского. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 18. См. также: Накануне, 1931–1939. Как мир был ввергнут в войну: Краткая история в документах, воспоминаниях, комментариях / сост. Н. Яковлев, О. Степанова, Е. Салынская. М., 1991. С. 205–214.
- ¹¹ См. Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 66.
- ¹² Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х кн. Кн.1. М., 1991. С. 170.
- ¹³ Shaw L. G. Attitudes of the British Political Elite towards the Soviet Union // Diplomacy and Statecraft. Vol. 13. N. 1 (March 2002) P. 57.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ РГВА Ф.4. Оп.19. Д.77. Л. 99–113.
- ¹⁷ Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971. С. 272.
- ¹⁸ См. Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 74–75.
- ¹⁹ Панкратова М., Сиполс В. Почему не удалось предотвратить войну: Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года (Документальный обзор). М., 1970. С. 93.
- ²⁰ Read A., Fisher D. The Deadly Embrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact. 1939–1941 (далее: The Deadly Embrace...). L., 1988. P. 115.
- ²¹ Noël L. La guerre le 39 a commence 4 ans plus tot. P., 1979. P. 125.
- ²² Ныне улица Алексея Толстого, 17.
- ²³ Public Record Office (London). (Далее: PRO). Prem 3, 434/2 Tolstoy Conference. P. 44.
- ²⁴ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 263–264.
- ²⁵ Там же С. 279–280.
- ²⁶ Там же С. 264.
- ²⁷ Цит. по: Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Указ. соч. С. 22.
- ²⁸ АВП РФ. ф. 06, оп. 16, п. 2, д. 5, л. 22–23.
- ²⁹ Documents diplomatiques francais 1932–1939 (Далее: DDF). 2-e Serie (1936–1939). T. 17 (25 Juin — 12 aout 1939). P., 1984. P. 922; T. XVIII (13 aout — 25 aout 1939). P., 1985. P. 189.
- ³⁰ Ibid. P. 193.
- ³¹ Год кризиса... Т. 2. С. 294.
- ³² DDF. 2e Serie T. 18. P. 355. P. 355.
- ³³ Год кризиса... Т. 2. С. 307–311.
- ³⁴ DDF. 2e Serie T. 18. P. 489.
- ³⁵ У. Сидс — Э. Галифаксу. 11.09.1939 г. British Documents on Foreign Affairs... P. 170.
- ³⁶ Roberts G. The Soviet Union and the Origins of the Second World War — Russo-German Relations and the Road to war, 1933–1941. L., 1995 P. 63.
- ³⁷ Shaw L. G. Op. Cit. P. 58.
- ³⁸ Documents on International Affairs 1939–1946. L., 1951. Vol. 1. March-Sept. 1939. P. 469–471; The Great Powers and Polish Question 1941–1945. Ed. by A. Polonsky. L., 1976. P. 67–69.
- ³⁹ См.: Накануне, 1931–1939... С. 244–246.